— Очень заманчиво, но, пожалуй, воздержусь, — после краткого размышления ответил Фан Линь на предложение любви и смерти.

— Жаль, — кратно и совершенно невыразительно сказала Цинь Жуа и улыбнулась.

— Возможно я ещё смогу придумать, как выпутаться из всей этой передряги. Да и к тому же из жалости мне ничего не надо, и хочется ещё немного пожить, — объяснил мужчина, а потом немного удивился собственным словам и ощущениям. Фан Линь вдруг обнаружил, что ему действительно пока не хотелось оставлять жизнь. Но почему? Он и раньше не спешил умирать, но и не избегал смерти особенно рьяно, — всё равно в жизни больше ничего интересного не осталось, думал мужчина... Но теперь он вдруг осознал, что даже несмотря на это он пока не может умирать. Почему? Может из-за его незаконченного дела? Фан Линь потеребил колечко в своём ухе...

Нет, вряд ли. Этот долг он уже в принципе не мог вернуть. Значит была ещё какая-то причина.

Но что именно?

Кто знает. Фан Линь был уверен только лишь в одном: что бы ни было той таинственной мотивацией, которая развеяла серость его жизни, и вернула ему к ней страсть, в неё лучше не вдумываться, а то можно ненароком в ней разочароваться и потерять...

— Кстати... — вдруг заметил Фан Линь. — А с чего вообще такое щедрое предложение? Я правда настолько жалкий, что ты благотворительности ради готова залезть ко мне в постель?

— Не веришь? — улыбнулась Цинь Жуа.

— По моему опыту, женщина из жалости может разве что приобнять.

— Ох, так может я и говорю всё это время про объятия... А ты что подумал?.. Впрочем, я дам тебе один совет: девушку лучше не спрашивать, почему она согласна. Когда мы начинаем думать, мы начинаем действовать из расчёта, а не по велению сердца... Либо же просто говорим нет.

— Ну свой шанс я полагаю уже проморгал, так что интересно узнать, — сказал Фан Линь и откинулся на спинку стула.

— В таком случае... — золотистые глаза Цинь Жуа нежно прошлись по мужчине. — Ты привлекателен, в меру... Ты на удивление заботлив, и мне понравилось, как ты волновался о юной госпоже. Это было мило. А ещё... — женщина прикрыла глазки и сверкнула улыбкой:

— ...А ещё, у девушки должны быть секреты, так что больше я ничего не скажу.

Фан Линь сложил руки на груди и усмехнулся:

— А ты значит у нас теперь молоденькая девушка.

— Ох, — Цинь Жуа лукаво улыбнулась: — Смотрю тебя всё-таки задели мои ремарки про твой возраст. Прошу прощения...

Фан Линь кивнул, а потом устало вздохнул. Вымученный флирт порядком утомил мужчину, всё же он действительно был немного в возрасте, и ему сложно было поддерживать такую язвительную беседу. Дальше их разговор пошёл немного более развязно; Цинь Жуа время от

времени подшучивала, мужчина парировал, попивая омерзительный себе напиток, просто чтобы смачивать горло. Женщина в свою очередь стала налегать на вино, и вскоре от внушительной бутылки осталась только половина, а напудренные белые щёчки служанки обрели нежный румянец.

— Если я выпью ещё немного, тебе придётся меня нести, — заметила она.

— Я не против.

— Может быть, ты только этого и хочешь, но я, пожалуй, воздержусь, — ответила женщина и встала из-за стола. Она задвинула за собой стул, и тут с моря дунул сильный прохладный бриз. Рюши на её платье захлестали и стали похожи на морскую пенку; Цинь Жуа стало клонить в бок. Фан Линь быстро выступил вперёд и поддержал её; женщина с улыбкой приобняла его за руку, и они пошли.

Всю последующую их прогулку по набережной мужчина чувствовал на своей руке лёгкий вес Цинь Жуа и слушал её немного неровные, короткие шажки на пару со своими, — он ощущал дыхание женщин, отдающее приятным, хотя и немного спиртуозным, винным ароматом.

Цинь Жуа была культиватором, причём очень даже сильным, так что если бы она захотела, ей бы не составило труда в миг протрезветь; более того, даже просто чтобы оставаться пьяной, ей приходилось подавлять верчение своего Звёздного Колеса. Поэтому сейчас она была хрупкой, как самая обыкновенная девушка.

— Интересно, где сейчас юная госпожа... — проговорила женщина.

— Вернулась уже, наверное. Могу поискать её, когда вернёмся.

— Как забавно, — не забывай, она уже сильнее тебя, Мастер.

— Как такое забудешь, — прыснул Фан Линь, и всё-таки заметил про себя, что Мая ещё не нанесла руну на колесо, а значит она пока ещё не была сильнее его. К тому же мужчина был более-менее уверен, что одолеет её и на первой, и даже на второй руне при определённом стечении обстоятельств, если она и дальше будет стоять как вкопанная в начале боя. Так что пока что он ещё не был слабее своей ученицы; однако если она продолжит культивировать со своей безумной скоростью, сохранит он свою фору недолго.

Пока Фан Линь размышлял об этом, они вышли в коридор. Там было пусто. Уже наступил поздний вечер, и большинство жильцов отеля либо уже вернулись в свои комнаты, либо не планировали возвращаться в них до самой поздней ночи или даже до утра. Цинь Жуа встала напротив своего номера, достала откуда-то ключи и стала возиться перед дверцей, вставляя их и так, и этак, и всё мимо. И всё это женщина дела с большим азартом и вниманием: Фан Линь наблюдал за её сжатыми розовыми губками и сосредоточенными глазами.

Когда же Цинь Жуа наконец попала в скважину и приоткрыла дверь, её губки приоткрылись в расслабленном вздохе, и Фан Линь немедленно накрыл их своими. Спустя пару десятков секунд губы их разомкнулись.

— Ты ведь не хотел, чтобы с тобой спали из-за жалости? — заметила женщина.

— Давай тогда без жалости, — ответил мужчина, хватая её за бёдра. — А просто так. И не убивай меня после этого. Дай ещё пару часиков утром что-нибудь придумать.

Цинь Жуа растерялась, и вдруг усмехнулась:

— Ладно…

И сразу она взмыла у Фан Линя на руках.

Они ввались в номер, дверь хлопнула сама собой, и спустя всего несколько мгновений Цинь Жуа уже лежала на кровати, а Фан Линь крайне сосредоточенно расшнуровывал её запутанное платье.

— Моё колесо неподвижно, — вдруг заметила расслабляющаяся на перинах женщина. — Если ты постараешься, и убьёшь меня очень быстро, я не смогу тебе ничего сделать… — рассказывала она, пока Фан Линь разбирался с запутанной шнуровкой.

— …Тогда ты сможешь бросить юную госпожу и сбежать, и тебя ещё долго никто не найдёт… Какой хитрый и жестокий план; но я о нём догадалась, и поэтому у тебя ничего не выйдет… Возможно…

Фан Линь стянул с ног служанки чёрную ткань, открывая её бархатные белые бёдра.

— Но если ты всё сделаешь прямо сейчас, у тебя ещё может быть шанс… Так ты попробуешь меня убить?.. — с интересом спросила женщина.

Фан Линь замер и задумался. Спустя пару секунд он ответил:

— Нет, — и раздвинул её ноги…

Несколько мгновений спустя номер наполнило тяжёлое и горячее дыхание, мужское и женское. Кровать, на которой происходило действо, однако, несмотря на все колебания оставалась крепкой как гранит, а потому единственное давление, которое испытывала на себе Мая, которая всё это время пряталась под этой кроватью, было психологическим — даже в кромешной темноте лицо девочки было красное-красное…

Она сама возвратилась в номер всего примерно десять минут назад, после чего сразу прошла на балкон, закрылась там и стала любоваться тёмными морем и светом белых фонарей на набережной, и размышлять; Мая так увлеклась своими мыслями, что даже не заметила, что в какой-то момент в двери стал кто-то ломился. Когда же девочка пришла в себя, она сразу смутилась и побежала открывать, но тут дверь сама открылась с грохотом; Мая испугалась и как-то инстинктивно юркнула под кровать. А потом на кровати началось… Это.

Девочка как могла сжимала свои уши, чтобы ничего не слышать, но помогало не сильно; ей вспоминались беруши, которые использовал таксист, и Мая клялась, что купит себе такие-же… Потом она пыталась отвлечься на что-нибудь, она пыталась даже медитировать о своей Дао Руне, или вспоминать своё прошлое, пытаться убежать в него или в какие-нибудь рассказы… Но каждый раз её вырывал назад, под кровать, особенно громкий вскрик…

Всё это тянулось целую вечность по ощущениям девочки. Несколько раз она уже была уверена, что вот он, конец, и наступала тишина, как вдруг всё начиналось по новой, и снова кровать вибрировала у неё над головой… И снова, и снова, и снова и снова… И лишь когда на улице уже едва ли не начинало светать, Мая, с совершенно красными глазами, выкарабкалась на свободу. Всеми силами стараясь не смотреть на кровать, девочка, прикрывая сперва один свой глаз, потом другой, взяла с другой кровати одеяло и подушку и на цыпочках убежала в ванную. Там, в ярко освещенной белой комнате, Мая подвинула коврик, разложило одеяло возле душа,

закуталась в него, положила голову на подушку и немедленно задремала вымотанным и сладким сном…

http://tl.rulate.ru/book/52126/1384175